

От него пахло кровью и солёной морской водой, будто он и впрямь был пиратом. Его крепкие руки сомкнулись, холодные доспехи впились в спину — кости ныли, тело готово было рассыпаться.

— Дядя, несколько месяцев не виделись, а ты, кажется, ещё больше исхудал.

Голос Сяо Ду прозвучал у самого уха, потеряв юношескую мягкость, приобретя диковатые нотки. Он возмужал.

Я попытался вырваться, но Сяо Ду не ослабил хватку, а, напротив, прижал ещё крепче.

— Дядя, что ты собирался сделать?

Я усмехнулся:

— Полюбоваться вашим триумфальным возвращением, разумеется. Неужто подумал, будто я собрался сигать с башни?

Сяо Ду промолчал, лишь слегка ослабил объятие.

— Как ты мог войти во дворец раньше отца? Чистейшее безрассудство. — Я высвободился из его рук, повернулся спиной, сложил ладони за спиной и убрал улыбку. — На глазах у всех ты нарушил этикет наследника престола. Серьёзный проступок. Ступай же встречать отца.

— Да, дядя, ты прав. Я сейчас. Зайду позже.

С этими словами Сяо Ду усмехнулся и шагнул передо мной. С лёгкой дерзостью приподняв бровь, он поклонился. Узкие зелёные глаза скользнули по мне снизу вверх, а когда он выпрямился, взгляд вновь стал властным, сверху вниз.

Его тело заслонило солнце, тень накрыла меня с головой, отчего я казался совсем тщедушным.

Я отступил на шаг, дабы не уронить достоинство старшего.

Сяо Ду, сделав вид, что почтил мою волю, развернулся и ушёл. Он, кажется, снова подросток; в шлеме с рогами из чёрного металла он был выше меня на целую голову. Широкие плечи, длинные ноги — таким и должен быть воин, внушающий ужас на поле боя.

Я слышал, что в Инчжоу он проявил себя и храбро, и сметливо: не только вырезал пиратов, ворвавшихся в город, но и лично возглавил отряд, что под видом пленников проник на их корабли, заманил в залив, где ждала засада, и сверху вылил горящее масло, испепелив сотни судов — и больших, и малых. А потом, взяв проводников из пленных, ворвался на остров, где те гнездились, и разорил их логово до основания.

Видно, никто не ожидал, что Сяо Ду — прирождённый полководец, прирождённый бог войны.

Я и сам не думал, что моё скороспелое толкование имени — «не имеющий равных в мире» — окажется пророческим.

Возможно, он и впрямь не имеет равных.

В душе зашевелилось смутное предчувствие.

Не только потому, что Сяо Ду показал когти, но и оттого, что его обращение со мной

изменилось.

Что, несколько месяцев среди пиратов — и вот, набрался грубости?

Я покачал головой, недовольный, и, опершись на подставленную руку Шунь Дэ, спустился с дворцовой башни.

В ту же ночь Сяо Лань устроил перед Чертогом Цзюяо смотр войск и наградил армию.

Распределяя награды по заслугам, нельзя было обойти Сяо Ду.

За великие подвиги Сяо Лань не мог взять слова назад и при всём честном народе пожаловал ему титул наследника престола. Церемонию возведения назначили на день осеннего равноденствия; в тот же день У Чжу была объявлена невестой наследника, и состоялась их свадьба.

Честь и хвала.

Я таился в тени под карнизом, глядя, как Сяо Ду с У Чжу преклоняют колени у подножия ступеней, и думал именно об этом.

В этой войне Царство Чи оказало немалую помощь, а У Чжу — принцесса Царства Чи. Так что Сяо Ду, наследник престола, уже укрепил своё положение, даже не дождавшись официальной церемонии. Не то чтобы Сяо Лань мог теперь запросто его сместить.

Сяо Лань хотел сделать из Сяо Ду щит, но, выходит, перехитрил сам себя. Неизвестно, чьё сердце лежит у Сяо Ду — наполовину чужеземца, женившегося на чужеземной принцессе, — к ли ли отцу-мяньсцу.

Теперь Сяо Ланю, помимо внутренних распрей, придётся остерегаться и внешнего волка.хлопот прибавится.

На следующий день Сяо Лань велел тщательно расследовать покушение на тайвэя. Показания безумного убийцы привели к семье Мэн.

Вполне логично, что Мэны могли подослать убийцу к тайвэю, управлявшему страной.

Полагаю, Сяо Лань, как и я, питал неприязнь к тому, что семья Мэн держит в руках войско, и опасался, как бы родичи не захватили власть. Так что, даже если сомневался, он воспользовался бы случаем урезонить Мэнов. Но он поступил решительнее, чем я ожидал: наложницу Мэн сослал в холодный дворец, а её брата, военного министра Мэн Цяня, и всю его партию разжаловал и сослал на границу.

Затем он назначил нового военного министра — Лоу Цана, отца наложницы Лоу, что в прошлом году родила ему сына. С тех пор в управлении страной начались перемены. Но новое — оно и есть новое, не столь же устойчивое, как прежнее равновесие между семьями Мэн и Юэ, что годами сдерживали друг друга. Так что подорвать правление Сяо Ланя мне стало куда легче.

Из-за материнских грехов Сяо Цзину и Сяо Мо тоже пришёл конец благоденствию, их статус рухнул.

Впрочем, Сяо Лань, видимо, всё же возлагал надежды на сыновей: хотя и пожаловал им уделы,

но не отослал в их владения, позволив остаться в мяньцинском дворце. Думаю, он молчаливо разрешил им в будущем побороться за трон.

Я-то знал: сыновьям Сяо Ланя не стоит пренебрегать, все они станут помехой на моём пути к трону.

Даже Сяо Ду, с коим я близок, — не исключение.

Пока я размышлял об этом, за спиной раздался леденящий скрежет — колёса по камню.

Я обернулся и увидел Сяо Юя, которого не встречал несколько месяцев. Он сидел в кресле, которое катил слуга.

Он стал совсем иным: щёки впали, во взгляде застыла вечная, нарастающая грусть. Прекрасные, миндалевидные глаза погрузились в глубокую тоску, кожа побледнела пуще моей. Он исхудал так, что казался скелетом, обтянутым кожей, — тонкие ключицы едва держали широкий парчовый халат с узором из серебряных змей.

В одной руке он сжимал бамбуковую флейту, лёгонько постукивая ею по ладони другой, в такт барабанному бою, что гремел на смотре.

Вид его невольно напомнил мне Сяо Ланя в юности — сердце сжалось.

Падение на ледяных гонках, возможно, сломало ему тело, но зато резко возмужало душу.

— Славно, славно, дух поднимает. А тебе, дядя, по нраву?

Он перевёл взгляд с площади на меня и медленно улыбнулся.

Я лениво прислонился к каменной колонне и ответил небрежно:

— Вся Поднебесная ликует. Как могу не радоваться?

Сяо Юй провёл большим пальцем по флейте, суставы пальцев выступили бугорками.

— Вся Поднебесная ликует? Хорошо сказано.

Я опустил взгляд на его ноги, скрытые под полами халата, наклонился и коснулся их, изобразив участие:

— Ноги великого князя поправляются? Если всё ещё не слушаются, я знаю одно средство.

Нрав у него переменялся — не знаю, станет ли он помехой, но лучше устранить пораньше.

В небе с грохотом разорвался фейерверк, озарив мёртвенно-спокойные глаза Сяо Юя.

Он уставился на меня долгим взглядом, потом приоткрыл губы в улыбке и тихо молвил:

— Не надо. Благодаря дяде, мне больше не придётся утруждать ноги до конца дней. Судьба моя — сидеть.

Я уловил в его словах скрытый смысл и сузил глаза.

Какие амбиции! Посмотрю я, как ты, калека, будешь оспаривать трон.

— Племянник, ты ошибаешься. Я желал добра, да вышло зло. Умысла дурного не было. — Я лицемерно похлопал его по плечу, но вдруг его длинные, костлявые пальцы мёртвой хваткой вцепились мне в запястье.

— Дядя, твой подарок я не забуду вовек...

— Брат, дядя, что вы тут делаете?

Сквозь частую трескотню фейерверков пробился низкий голос.

Сяо Юй взвёл голову:

— Беседуем. Ты что, ослеп, пятый брат?

Я вырвал руку, но пояс зацепился за его нефритовую подвеску, я пошатнулся и грохнулся на его кресло.

Сяо Юй обхватил мою талию:

— Дядя, ты цел?

Меня охватило раздражение, но, не успев подняться, я услышал за спиной быстрые шаги, пояс натянулся, и меня рванули вверх. Я пошатнулся, едва не падая, но Сяо Ду подхватил меня и, почти на руках, понёс по ступеням, что вели к боковому входу в Чертог Цзюяо.

Он шагал так быстро, что мои ноги едва касались земли:

— Дуэр, куда ты меня тащишь?

— Фейерверк смотреть.

— Что? — опешил я.

Он, помедлив, добавил:

— Все родственники наверху. Тебя не должно не доставать.

Сяо Ду приволок меня на самый купол Чертога Цзюяо. Кругом, кроме нас, ни души. Тут я опомнился: Сяо Лань же ещё на смотру у дворцовых ворот, какие там родственники на куполе?

— Зачем ты притащил меня сюда? Безрассудство!

<http://bllate.org/book/15952/1426354>